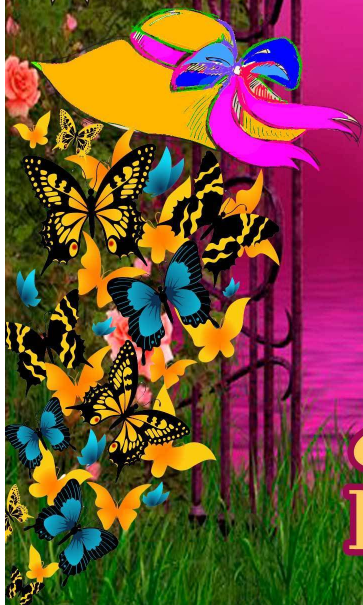

Таинственный сад

Френсис
Бернетт

Фрэнсис Бернетт

Таинственный сад

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=17202033

Аннотация

В книгах замечательной писательницы Фрэнсис Бернетт есть и мягкий юмор, и занимательный сюжет, и мудрость всепобеждающего добра. Ее повесть “Таинственный сад” вошла в число лучших книг для детей. Эту книгу любят не только дети, но и взрослые. Снятый в 1993 году на студии «Warner Bros.» фильм «Таинственный сад» признан одним из лучших детских фильмов 90-х годов XX века. Огромным успехом пользовался и мюзикл, поставленный на многих сценах мира. По мотивам повести снят также мультфильм.

Содержание

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ	4
Глава I. НЕ ОСТАЛОСЬ НИКОГО	7
Глава II. МИСС МЭРИ, УПРЯМИЦА МЭРИ	15
Глава III. ДОРОГА ЧЕРЕЗ ВЕРЕСКОВУЮ ПУСТОШЬ	26
Глава IV. МАРТА	32
Конец ознакомительного фрагмента.	39

Фрэнсис Бернетт

ТАИНСТВЕННЫЙ САД

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

Фрэнсис Бернетт (1849–1924) родилась в Манчестере в ноябре 1849 года. У ее отца, процветающего фабриканта, было пять детей. После смерти отца семья переживала тяжелые времена, и в 1865 году им пришлось эмигрировать в Америку, в Ноксвилл. Но Фрэнсис не забыла о жизни в Англии, и ее первая книга была посвящена описанию жизни рабочих Манчестера.

В 1873 году она вышла замуж за доктора Свена Бернетта. Их второй сын, Вивиан, энергичный, жизнерадостный, обаятельный мальчик, стал прототипом героя ее знаменитой книги «Маленький лорд Фаунтлерой». Эта книга была напечатана в 1885 году и мгновенно завоевала популярность. В ней рассказывается об американском мальчике, которого разыскал его дедушка – знатный и богатый англичанин. Это произведение было необычайно популярным и неоднократно ставилось в театре.

Фрэнсис вернулась в Англию знаменитой писательницей, но на нее ополчилась злая судьба: за разводом с доктором Бернеттом последовал неудачный брак со Стефаном Таун-

сендом. Второй брак тоже распался. В 1890 году она узнала о смерти своего старшего сына.

Одна из главных тем творчества Фрэнсис Бернетт – ценность достоинства и гордости, которые ее герои сохраняют независимо от обстоятельств – отражает замечательную черту характера самой писательницы.

Вернувшись в Америку, она поселяется в Нью-Йорке, на Лонг-Айленде, занимается христианской наукой, теософией и спиритизмом, а также садоводством. В 1905 году полной книгой выходит «Маленькая принцесса», которая сначала издавалась частями и была инсценирована.

Занимаясь планированием и разбивкой сада у своего дома на Лонг-Айленде, Фрэнсис задумала и написала «Таинственный сад» (1911 г.), возможно, свое лучшее произведение, книгу на все времена, которая вошла в число лучших произведений мировой детской литературы. В этой книге сад – символ душевного и физического здоровья, гармонического развития личности, радости жизни. Секрет ее обаяния нелегко объяснить, но то, что книга обладает доброй магической силой, несомненно. С ее страниц веет ветром вересковых пустошей северной Англии, доносится пение птиц и шум прекрасных садов, она повествует о жизни в богатых поместьях и домах бедных фермеров. Но это книга не о социальном неравенстве, а напротив, о равенстве людей перед вопросами, которые задает нам жизнь. Не удивительно, что «Таинственный сад» – одно из тех редких произведений, ко-

торые одинаково нравятся и взрослым, и маленьким. Оно повествует о непростом взрослении ребенка, о человеческой душе, способной умирать и возрождаться, как весной возрождается сад. Это умная и добрая повесть, которая, если и дает нам наставления, то делает это мягко и тактично, оставляя простор для нашего воображения и мысли.

В книгах этой замечательной писательницы есть и мягкий юмор, и занимательный сюжет, и мудрость всепобеждающего добра. И «Таинственный сад», и «Маленький лорд Фаунтлерой», и «Маленькая принцесса» были экранизированы. Поставленный в наши дни по мотивам «Таинственного сада» мюзикл пользовался прямо-таки фантастическим успехом. Снят и мультфильм с таким названием.

Литературоведы советской школы не жаловали творчество этой писательницы, объявив, в частности, «Маленького лорда Фаунтлероя» сентиментальным произведением, не замечая ни юмора автора, ни занимательного сюжета, ни стойкого характера главного героя, ни других несомненных достоинств книги.

Фрэнсис Бернетт писала и для взрослых.

Она продолжала писать до самой своей смерти в 1924 году, не дожив всего несколько недель до семидесятипятилетия.

Глава I. НЕ ОСТАЛОСЬ НИКОГО

Когда Мэри Леннокс привезли в Йоркшир, в поместье ее дяди Миссельтвейт, все говорили, что она – самый несимпатичный ребенок, какого только кому-нибудь доводилось видеть. И это было правдой. У нее было маленькое худенькое личико и маленькая худенькая фигурка, светлые редкие волосы и неизменно кислое выражение лица. У нее были желтые волосы, так же, как и лицо, потому что Мэри родилась в Индии и постоянно чем-нибудь болела. Ее отец был чиновником колониальной администрации, вечно занятый и тоже больной, а мать, которая славилась красотой, интересовалась только развлечениями и любила окружать себя веселыми молодыми людьми. Ее вообще не интересовала маленькая девочка – когда Мэри родилась, малышку отдали няне по имени Айя, которая поняла, что если хочет доставить удовольствие белой госпоже, то должна держать ребенка подальше от нее. Поэтому когда Мэри была болезненным, капризным, безобразным младенцем, ее уносили подальше, и когда она стала болезненной, раздражительной, некрасивой девочкой, ее опять уводили подальше. Она никогда не помнила, чтобы вокруг нее были какие-то другие лица, кроме темного лица Айи и других индийских слуг, и поскольку они всегда высказывали ей свое почтение и разрешали делать все, что она пожелает, потому что ее вопли могли рассердить белую гос-

пожу, в свои шесть лет Мэри была самым деспотичным и эгоистичным поросенком, какой жил когда-нибудь на земле. Молодая гувернантка-англичанка, которая должна была научить ее читать и писать, через три месяца сдалась и отказалась от своей должности, а следующие гувернантки выдерживали еще меньше. Так что если бы Мэри не захотелось вдруг научиться читать книги, она бы, наверное, так никогда и не выучила буквы.

В одно ужасно жаркое утро, когда ей было уже лет девять, она проснулась очень злая, а ее настроение испортилось еще больше, когда она увидела, что служанка, которая стоит у кровати – это не ее Айя.

– Ты зачем пришла? – сказала она незнакомой женщине. – Я не разрешаю тебе здесь оставаться. Пришли ко мне мою Айю!

Женщина испуганно взглянула на Мэри и пробормотала, что Айя прийти не может, а когда Мэри впала в ярость и начала бить и щипать ее, она только смотрела на нее все более испуганно и повторяла, что Айя никак не может прийти к госпоже.

В это утро в воздухе ощущалось что-то зловещее. Был нарушен обычный порядок, нескольких слуг не было на месте, а те, кого увидела Мэри, крались или убегали с бледными, испуганными лицами. Но никто не сказал ей ни слова, и Айя все не приходила. Мэри по-прежнему была предоставлена сама себе и начала играть под деревом возле веранды. Она

воображала, что делает клумбы, и втыкала большие красные цветы гибискуса в маленькие кучки земли, при этом злость ее все усиливалась, и девочка бормотала себе под нос все, что скажет няне, когда та вернется.

– Свинья! Свинья! Свиньячья дочь! – говорила она, потому что для индийцев это – самое страшное оскорбление.

Она скрипела зубами от злости и повторяла одно и то же, когда вдруг услышала, что ее мама вышла с кем-то на веранду. Это был молодой блондин, они стояли и разговаривали странными приглушенными голосами. Мэри знала этого молодого блондина, который выглядел, как мальчик. Она слышала, что это был очень молодой офицер, который недавно приехал из Англии. Девочка внимательно смотрела на него, но еще внимательней – на маму. Мэри всегда приглядывалась к ней, при каждом удобном случае, потому что Мэм Сахиб (белая госпожа) – так чаще всего Мэри в мыслях называла свою маму – была высокой, стройной, красивой и носила очень красивые платья. Ее волосы напоминали волнистый шелк, у нее был задорный маленький носик и большие смеющиеся глаза. Все ее платья были тонкие и пышные, а Мэри говорила, что на них «полно кружев». Этим утром на платье «белой госпожи» было еще больше кружев, чем обычно, но ее глаза совсем не смеялись. Они были широко распахнуты, она смотрела на молодого офицера.

– Неужели все так плохо? В самом деле? – услышала Мэри ее слова.

– Ужасно, – дрожащим голосом ответил молодой человек. – Ужасно, миссис Леннокс. Вы должны были уехать в горы две недели тому назад.

«Белая госпожа» заломила руки.

– Ах, я знаю, что должна была уехать, – всхлипнула она. – Я осталась только из-за этого дурацкого приема. Какая же я была глупая!

В этот момент со стороны хижин для слуг донеслись такие горестные причитания и крики, что она схватилась за плечо молодого офицера, а Мэри стояла, дрожа с головы до ног. Крики становились все громче и громче.

– Что это? Что это? – испуганно шептала миссис Леннокс.

– Опять кто-то умер, – ответил молодой офицер. – Вы не говорили мне, что среди ваших слуг тоже есть больные.

– Я не знала! – вскрикнула Мэм Сахиб. – Пойдем со мной, пойдем! – она повернулась и вбежала в дом.

Потом случилось ужасное, и Мэри стало понятно, почему это утро было такое зловещее и странное. Вспыхнула холера в самой тяжелой форме, и люди умирали, словно мухи. Ая заболела, и ночью ее забрали, а крики в хижинах слуг раздались как раз тогда, когда она умерла. До начала следующего дня умерли еще трое слуг, а остальные в ужасе разбежались. Паника охватила всех, и люди умирали в каждом доме.

Во время замешательства и переполоха на следующий день Мэри спряталась в детской комнате, и все о ней позабыли. Никто о ней не думал, никто ее не искал, а тем време-

нем происходили странные и страшные вещи, о которых она ничего не знала. На протяжении этих часов Мэри то плакала, то спала. Ей было известно только, что люди болели и были слышны какие-то таинственные и страшные звуки. Девочка прокралась в столовую и никого там не застала, хотя на столе еще стояли блюда с остатками еды, а стулья и тарелки выглядели так, словно их поспешно отодвинули, когда обедающие вдруг стали по какой-то причине убегать. Она съела немного фруктов и бисквитов, а поскольку ее мучила жажда, выпила целый стакан вина. Вино было сладкое, и девочка не знала, какое оно крепкое. Очень быстро она почувствовала себя сонной, вернулась в детскую и опять заперлась, испуганная криками и топотом убегающих людей. От вина она почувствовала, что ее охватила непреодолимая усталость, легла в свою кровать и надолго утратила способность понимать, что происходит вокруг.

За это время много чего произошло, но Мэри спала таким глубоким сном, что ее не смогли разбудить ни крики людей, ни шум.

Когда Мэри проснулась, то долго лежала и смотрела в стену. В доме было совсем тихо. Она и не знала, что может быть так тихо. Девочка не слышала ничьих голосов и шагов, и подумала, что все уже выздоровели от холеры, и угроза миновала. Она думала о том, кто будет заботиться о ней теперь, когда Айя умерла. Наверное, будет какая-то новая Айя, и, может быть, она знает новые сказки. Старые сказки, пожа-

луй, даже надоели Мэри. Она совсем не плакала по своей умершей няне. Мэри не была нежным ребенком и никогда ни о ком не заботилась. Шум, крики и беготня из-за холеры напугали ее, но сейчас она была только разозленной из-за того, что, казалось, никто не помнил о ее существовании. Все были слишком напуганы, чтобы думать о маленькой девочке, которую никто не любил. Когда вспыхнула страшная болезнь, каждый думал только о себе. Но сейчас, когда все опять в порядке, наверное, кто-нибудь придет посмотреть, что происходит с Мэри.

Однако никто не появился, и когда она лежала в ожидании, в доме, казалось, становилось все тише и тише. Вдруг Мэри услышала, как что-то ползет, и когда посмотрела вниз, то увидела маленькую змейку, которая двигалась вдоль стены и смотрела на девочку глазами, блестящими, как драгоценные камни. Мэри совсем не испугалась, потому что знала: это безобидное создание не причинит ей никакого вреда. Казалось, змейка спешит как можно скорее покинуть комнату. Она проскользнула в щель под дверью.

– Как странно и как тихо, – сказала Мэри. – Кажется, что кроме меня и змейки в доме никого нет.

Но в ту же минуту она услышала шаги сначала в саду, а потом на веранде. Это были мужские шаги – несколько мужчин вошли в дом и разговаривали приглушенными голосами. Никто не вышел им навстречу, и никто не заговорил с ними, а они, судя по звукам, открывали одну дверь за другой

и заглядывали во все комнаты.

– Как здесь пусто! – услышала Мэри. – Такая красивая, очаровательная женщина! Думаю, что и ребенок тоже. Я слышал, у нее был ребенок, хотя его никто никогда не видел.

Мэри стояла посредине своей комнаты, когда через несколько минут дверь открылась. Девочка выглядела такой некрасивой, сердитой, и при этом дрожала от голода и возмущения, что о ней забыли. Первым вошел старший офицер, которого Мэри когда-то видела со своим отцом. Он выглядел усталым и озабоченным, но когда увидел ее, так изумился, что почти отпрыгнул назад.

– Барни! – крикнул офицер. – Здесь ребенок! Брошенный ребенок! В таком месте! Кто же это?

– Я – Мэри Леннокс, – сказала девочка, гордо выпрямившись. При этом она подумала, что этот человек очень груб, называя дом ее отца «таким местом». – Я уснула, когда все заболели холерой, и только сейчас проснулась. Почему никто не приходит?

– Это – тот ребенок, которого никто никогда не видел! – воскликнул офицер, обернувшись к своим спутникам. – О ней все забыли!

– Почему обо мне забыли? – закричала Мэри, топая ногами. – Почему никто не приходит?

Молодой человек, которого называли Барни, взглянул на нее с огромной грустью. Мэри даже показалось, что у него в глазах показались слезы.

– Бедная малышка! – сказал он. – В живых не осталось никого, некому приходить.

Таким странным и неожиданным образом Мэри узнала, что у нее теперь нет ни отца, ни мамы, потому что они умерли. Их похоронили ночью, а немногочисленные слуги-индийцы, которым удалось избежать смерти, покинули дом так быстро, как только могли, забыв о «маленькой Мэм Сахиб».

Вот почему было так тихо. Во всем доме в живых остались только Мэри и маленькая быстрая змейка.

Глава II. МИСС МЭРИ, УПРЯМИЦА МЭРИ

Мэри любила издали смотреть на свою маму, девочка думала, что мама — очень красивая, но почти ее не знала, и нет ничего странного в том, что она не могла ни любить ее, ни тосковать по ней, когда той не стало. И она действительно совсем не тосковала, поскольку всегда была поглощена сама собой, как и раньше. Если бы девочка была постарше, ее, конечно, испугала бы мысль о том, что она осталась одна на свете, но она была еще маленькой, и о ней всегда кто-нибудь заботился, поэтому она думала, что так будет всегда. Ей было интересно, попадет ли она к хорошим людям, которые будут добры к ней, и позволят ей вести себя, как ей захочется, как это делала Айя и другие слуги-индийцы.

Она знала, что не останется долго в доме английского пастора, куда ее сначала привезли. Ей не хотелось там оставаться. Пастор был бедным, у него было пять детей, все они были погодками, одеты в поношенную одежду, постоянно ссорились и отнимали друг у друга игрушки. Мэри возненавидела их грязный дом и была такой невыносимой для всех, что никто не хотел с ней играть. На второй день ей дали кличку, что ужасно ее разозлило.

Первым ее наделил прозвищем Бэзил. Это был маленький

мальчик с голубыми глазами и вздернутым носом, Мэри его терпеть не могла. Она в одиночестве играла под деревом, со всем как в тот день, когда разразилась эпидемия холеры. Девочка делала клумбы из земли и обозначала дорожки, а Бэзил стоял поблизости и приглядывался. Он заинтересовался игрой и спросил: – Почему ты не положишь кучу камней, как будто это скалы? Вот здесь, посередине. – И он наклонился, чтобы указать место.

– Уйди! – закричала Мэри. – Терпеть не могу мальчишек! Уйди отсюда!

Сначала Бэзил рассердился, а потом начал дразниться. Он всегда дразнил своих сестер. Он танцевал вокруг нее, корчил рожи, и смеялся, и пел:

Мисс Мэри, упрямица Мэри,
Как же растет твой сад?
В нем розы цветут, незабудки растут,
И колокольчики в ряд.

Он пел до тех пор, пока остальные дети не слышали и не начали смеяться вместе с ним; и чем больше Мэри злилась, тем громче они пели: «Мисс Мэри, упрямица Мэри...»; и позже называли ее так не только между собой, но и тогда, когда обращались к ней.

– Тебя отправят домой, – сказал ей Бэзил, – в конце недели. А мы будем очень рады.

– Я тоже очень рада, – ответила Мэри. – А где этот дом?

– Она не знает, где ее дом! – презрительно воскликнул Бэзил. – В Англии, конечно! Там живет наша бабушка, и нашу сестренку Мэйбл в прошлом году отправили к ней. Но ты не поедешь к своей бабушке, нет у тебя никакой бабушки. Ты поедешь к своему дяде. Его зовут Арчибальд Крэйвен.

– Я ничего о нем не знаю, – огрызнулась Мэри.

– Конечно же, не знаешь, – злорадствовал Бэзил. – Ничего-то ты не знаешь. Девчонки никогда ничего не знают. Я слышал, как папа и мама о нем говорили. Он живет в огромном, заброшенном старом доме, и никто к нему не приходит. Он такой злой, что никого не хочет видеть, а если бы и захотел, то никто к нему не пришел бы. Он горбатый и страшный.

– Я тебе не верю, – отрезала Мэри, отвернулась от него и заткнула уши пальцами, чтобы больше ничего не слышать.

Но потом она долго думала обо всем, что ей сказал Бэзил, а когда вечером миссис Кроуфорд сказала ей, что через несколько дней она поедет в Англию, к дяде, мистеру Арчибальду Крэйвену, который живет в поместье Миссельтвейт, Мэри выглядела такой спокойной, как камень, и равнодушной, что все даже не знали, что о ней думать. Взрослые старались быть с ней добрыми, но она отворачивала лицо каждый раз, когда миссис Кроуфорд пыталась ее поцеловать, и стояла, выпрямившись, словно палку проглотила, когда мистер Кроуфорд хлопал ее по плечу.

– Это очень странный ребенок, – позже сказала с сожалением миссис Кроуфорд. – Ее покойная мать была такой оча-

ровательной женщиной, и такой воспитанной, но Мэри – самый несимпатичный ребенок, какого я только встречала в своей жизни. Дети называют ее «упрямицей Мэри», и хотя это нехорошо с их стороны, я их прекрасно понимаю.

– Может быть, если бы ее мама чаще заглядывала в детскую комнату, Мэри не была бы такой нелюдистой. Очень грустно говорить об этом сейчас, когда эта очаровательная женщина умерла, но многие люди даже вообще не знали о том, что у нее есть ребенок.

– Я думаю, она никогда даже не взглянула на своего ребенка, – вздохнула миссис Кроуфорд. – Когда умерла няня Айя, некому было подумать о девочке. Все слуги разбежались и оставили ее одну в брошенном доме. Полковник Мак-Гроу говорил мне, что совершенно остолбенел, когда открыл дверь и увидел девочку, стоящую посреди комнаты.

Долгую дорогу в Англию Мэри проделала под присмотром жены одного офицера, которая отвозила своих детей в школы. Она была поглощена своими детьми и была рада, когда в Лондоне могла передать Мэри женщине, которую прислал за ней мистер Арчибальд Крэйвен. Она была экономкой в поместье Миссельтвейт, ее звали миссис Мэдлок. Это была полная женщина с очень красными щеками и пронизывающим взглядом черных глаз. На ней было яркое пурпурное платье, черная шелковая накидка с бахромой и черная шляпка с пурпурными вельветовыми цветами, которые при каждом движении ее головы тряслись и дергались. Мэри

эта женщина совершенно не понравилась, но поскольку она очень редко чувствовала к кому-либо симпатию, в этом не было ничего странного; кроме того, сразу было видно, что миссис Мэдлок не очень-то и заботилась о ней.

– Право слово, сразу видно, что это – тот еще ребенок! Мы слышали, что ее мама была красавицей, – сказала она. – Но ее красота не досталась дочери в наследство, правда же, мадам?

– Может быть, она похорошеет, когда вырастет, – ответила добродушная жена офицера. – Если бы только она не была такой желтушной и неприветливой... черты лица у нее довольно красивые. Дети с возрастом очень меняются.

– В таком случае ей придется очень-очень измениться, – ответила миссис Мэдлок. – К тому же, вынуждена сказать, если хотите знать, в поместье Миссельтвейт нет ничего такого, что помогло бы ей измениться в лучшую сторону!

Они думали, Мэри не слышит их разговора, потому что она стояла в отдалении возле окна в отеле, где они остановились. Девочка следила за уличным движением, но все прекрасно слышала. Ей стало очень интересно, какой же ее дядя и место, где он живет. Что это за место, и как оно выглядит? Что означает слово «горбатый»? Она никогда не видела горбатых. Должно быть, в Индии нет горбатых людей.

С тех пор, как Мэри стала жить в домах чужих людей, и у нее больше не было Айи, девочка почувствовала себя одинокой и стала думать о странных вещах, совершенно непри-

вычных для нее. Она стала размышлять о том, почему она никогда не была чьей-то, даже тогда, когда были живы ее родители. Другие дети всегда принадлежали своим папам и мамам, и только она никогда не была чьей-то маленькой дочкой. У нее были слуги, еда и одежда, но никто и никогда не обращал на нее внимания. Мэри не знала, что все считали ее неприятным ребенком; но тогда, конечно, она не знала, что это такое. Девочка считала неприятными других, но никогда не думала так о себе.

Миссис Мэдлок казалась ей самой неприятной особой – с ее простецким краснощеким лицом и простецкой шляпкой. Когда на следующий день они двинулись в путь – дальше, в Йоркшир, Мэри шла по станции к поезду с гордо поднятой головой и старалась держаться как можно дальше от миссис Мэдлок, потому что не хотела, чтобы их видели вместе. Девочку злила одна мысль, что ее могут принять за дочь миссис Мэдлок.

Но миссис Мэдлок не волновала ни Мэри, ни ее мысли. Она была из тех женщин, которых «не интересуют детские выходки». Во всяком случае, если бы ее спросили, она бы ответила так. Она не захотела ехать в Лондон даже тогда, когда дочь ее сестры Марии выходила замуж, но ценила удобное, высокооплачиваемое место экономки, которое могла бы потерять, если бы немедленно не выполнила приказ мистера Арчибальда Крэйвена. Она не смела даже задавать никаких вопросов.

– Капитан Леннокс и его жена умерли от холеры, – сказал мистер Крэйвен в своей обычной лаконичной, холодной манере. – Капитан Леннокс был братом моей жены, поэтому я стал опекуном их дочери. Ребенка надо привезти сюда. Вы поедете в Лондон и привезете девочку.

Поэтому миссис Мэдлок упаковала свой маленький саквояж и отправилась в путешествие.

Мэри сидела в углу вагона с кислой и злой физиономией. У нее не было книги, ей не было на что смотреть, поэтому она сложила свои тоненькие ручки в черных перчатках на колени, и просто сидела молча. Черная одежда еще больше подчеркивала желтизну ее личика, а пряди жестких, светлых волос выбивались из-под черной креповой шляпки.

– «В жизни не видала такого вреднучего ребенка», – подумала миссис Мэдлок. (Словом «вреднучий» в Йоркшире называли избалованных и раздражительных детей). Она никогда не видела ребенка, способного сидеть так долго, ничего не делая; в конце концов, ей надоело приглядываться к девочке, и она заговорила пронзительным голосом:

– Думаю, пора рассказать вам о месте, куда мы едем. Знаете ли вы что-нибудь о своем дяде?

– Нет, – ответила Мэри.

– Вы никогда не слышали, чтобы ваши родители о нем разговаривали?

– Нет, – ответила Мэри и задрожала. Она задрожала потому, что осознала: отец и мать вообще никогда и ни о чем

с ней не разговаривали. Они ни о чем ей не рассказывали.

– Хм! – пробормотала миссис Мэдлок, глядя на странное, замкнутое личико девочки. Какое-то время она помолчала, затем продолжила: – Я думаю, все-таки вам надо кое-что рассказать, чтобы вы приготовились. Дело в том, что мы едем в необычное место.

Мэри на это ничего не ответила, и миссис Мэдлок, разочарованная ее равнодушием, опять помолчала, а потом вздохнула и продолжала: – Надо признать, это огромный дом, но угрюмый, и мистер Крэйвен по-своему гордится им. Этому дому уже шестьсот лет, и он находится на краю огромной вересковой пустоши; там около ста комнат, хотя большинство из них заперто. И там висят картины, и стоит красивая старинная мебель – уже много веков, а вокруг огромный парк и сады. Ветки некоторых деревьев достают до самой земли. – Она снова помолчала, вздохнула и неожиданно закончила: – Вот и все, что я хотела вам рассказать.

Мэри, сама того не желая, начала прислушиваться. Все, о чем она слышала, было не такое, как в Индии, а все новое ее привлекало. Но она и виду не подавала, что ей интересно. Это была одна из ее неприятных привычек. Так что она продолжала сидеть молча.

– Вот так вот, – сказала миссис Мэдлок. – И что вы об этом думаете?

– Ничего, – ответила девочка. – Я ничего не знаю о таких домах.

Этот ответ вызвал у миссис Мэдлок короткий смешок.

— Ах! — вырвалось у нее. — Да вы — совсем, как маленькая старушка. Вам что, абсолютно неинтересно?

— Какая разница — интересно мне или нет, — ответила Мэри.

— А вот тут вы совершенно правы, — подхватила миссис Мэдлок. — Абсолютно никакой разницы. Зачем вас везти в поместье Миссельтвейт, я не знаю. Наверное, это самое простое, что пришло ему в голову. Я уверена, он о вас заботиться не будет. Он никогда ни о ком не заботится.

Миссис Мэдлок примолкла, словно о чем-то вспомнив.

— У него кривая спина, — сказала она. — Вот почему он не такой, как все. С молодых лет он был раздражительным и, несмотря на свое богатство, не был счастлив, пока не женился.

Мэри подняла на нее глаза, хотя и пыталась притвориться равнодушной. Она никогда не думала, что горбун может жениться, и потому удивилась. Миссис Мэдлок это заметила, и поскольку была очень разговорчивой женщиной, продолжала свой рассказ уже более оживленно. В конце концов, это был единственный способ скоротать время путешествия.

— Она была такая милая, красивая, а он бы на край света пошел за стебельком травы для нее, если бы она только захотела. Никто не думал, что она согласится выйти за него замуж, а она вышла, и люди говорили, что это из-за его денег. Но это неправда, неправда, — с глубоким убеждением про-

должала миссис Мэдлок. — Когда она умерла...

Мэри, сама того не желая, слегка подпрыгнула.

— Ах! Она умерла! — воскликнула девочка. Ей припомнилась французская сказка, которую она когда-то читала. В ней рассказывалось о горбуне и прекрасной принцессе. Мэри вспомнила сказку, и ей стало жаль мистера Арчибальда Крэйвена.

— Да, она умерла, — вздохнула миссис Мэдлок. — И с тех пор он стал еще более странным. Он никого не хочет видеть. Он много путешествует, а когда приезжает в свое поместье, запирается в западном крыле дома и никого к себе не пускает, кроме Питчера. Питчер — глубокий старик, но он нянчил хозяина, когда тот был еще ребенком, и умеет с ним обращаться.

Это была странная история, словно из книжки, и рассказ миссис Мэдлок ничуть не ободрил Мэри. Дом со ста комнатами, и почти все они заперты — дом на краю вересковой пустоши — да еще вересковая пустошь — это звучало мрачно. И горбатый человек, который никого не хочет видеть! Девочка смотрела в окно, стиснув губы, и ей показалось совершенно естественным, что в эту минуту дождь начал бить серыми косыми струями в окна вагона. Если бы еще была жива та жена-красавица, она бы озарила все вокруг, как ее мама, своим щебетом, подвижностью, хождением с одной вечеринки на другую в чудесных, украшенных кружевами платьях, платьях, на которых «полно кружев». Но ее уже не было среди

живых.

– Не надейтесь его увидеть, потому что он не захочет с вами разговаривать, – предупредила миссис Мэдлок. – И не думайте, что с вами кто-то захочет разговаривать. Вам надо будет самой играть и самой о себе заботиться. Вам скажут, в какие комнаты можно будет входить, а в какие – нет. Садов там достаточно. Но нельзя расхаживать по дому и совать свой нос, куда не следует. Мистеру Крэйвену это не понравится.

– Я вовсе не собираюсь никуда совать свой нос, – ответила злущка Мэри; и так же неожиданно, как она начала жалеть мистера Крэйвена, ей подумалось, что он – неприятный человек и заслужил все то, что с ним приключилось.

И она повернулась к окну, глядя на серые потоки дождя, который, казалось, никогда не прекратится. Девочка смотрела в окно так долго и упрямо, пока все перед ее глазами не стало серым и, она не уснула.

Глава III. ДОРОГА ЧЕРЕЗ ВЕРЕСКОВУЮ ПУСТОШЬ

Мэри спала очень долго, а когда она проснулась, миссис Мэдлок купила на какой-то станции корзинку с едой, в которой были жареные цыплята и холодная говядина, хлеб с маслом и горячий чай. Дождь был еще сильнее, а на станциях все были одеты в блестящие непромокаемые плащи. Проводник зажег в вагоне лампы, а миссис Мэдлок наслаждалась горячим чаем, курятиной и говядиной. Она хорошенько подкрепилась и уснула, а Мэри сидела и рассматривала ее и ее шляпу, которая грустно съехала на ухо, пока опять не уснула, втиснувшись в уголок, под монотонный шум дождя. Когда она опять проснулась, было уже совершенно темно. Поезд стоял на станции, а миссис Мэдлок трясла ее за плечо.

— Ну, вы и разоспались! — воскликнула она. — Пора открывать глаза! Мы уже на станции Твейт, а впереди еще — длинный путь.

Это была маленькая станция, и на ней никто, кроме них, не сошел с поезда. Станционный смотритель по-свойски заговорил с миссис Мэдлок, выговаривая слова как-то странно и протяжно; позже Мэри поняла, что так говорят все местные жители: — Я гляжу, вы уже воротились. И привезли с собой эту девчушку?

— Ага, это она, — так же по-йоркширски протяжно ответила миссис Мэдлок и движением головы указала на Мэри. — Как поживает ваша жена?

— Спасибо, неплохо. Ваша повозка стоит с другой стороны станции.

Экипаж стоял на дороге перед маленькой станцией. Мэри заметила, что повозка выглядит очень прилично, и слуга, который помог им забраться в нее, одет тоже очень прилично. Его длинный резиновый плащ с капюшоном, закрывающим цилиндр, блестел в струях дождя, который заливал все вокруг, не исключая и толстого станционного смотрителя.

Когда слуга закрыл дверь кареты и сел рядом с кучером, девочка села в уютном углу, но почувствовала, что спать ей совершенно не хочется. Она сидела, глядя в окно, желая что-нибудь увидеть на дороге, ведущей в это странное место, о котором ей рассказала миссис Мэдлок. Мэри была не из робкого десятка и не ощущала страха, но чувствовала: в доме, где больше ста комнат, и многие из них заперты, в доме, стоящем на краю вересковой пустоши, с ней может приключиться неизвестно что.

— А что такое «вересковая пустошь»? — вдруг спросила девочка у миссис Мэдлок.

— Смотрите в окно, и минут через десять сами увидите, — ответила та. — Пока мы доберемся до поместья, нам надо проехать пять миль по вересковой пустоши. Много вы не разглядите, потому что ночь темная, но что-нибудь, может,

и увидите.

Мэри больше не задавала вопросов, но ждала в своем темном углу, вглядываясь в окно. Фонари кареты освещали небольшое пространство впереди, и Мэри различала контуры предметов, мимо которых они проезжали. Когда они выехали со станции и проезжали крошечную деревушку, она увидела побеленные домики и свет в трактире. Они миновали церковь и дом священника, и освещенную витрину маленького магазинчика с игрушками, сладостями и различными предметами, выставленными на продажу. Потом они выехали на тракт, и девочка увидела живые изгороди и деревья. Потом долго не было видно ничего интересного – или просто заскучавшей Мэри показалось, что это было долго.

Наконец лошади побежали медленней, словно взбираясь на холм, и казалось, что за окном больше нет ни живых изгородей, ни деревьев. Собственно, Мэри ничего не могла рассмотреть в полной темноте по обе стороны дороги. Девочка наклонилась вперед и прижалась лицом к окну, а карета вдруг подпрыгнула.

– Ага! Ну, вот сейчас-то мы точно въехали на вересковую пустошь, – сообщила миссис Мэдлок.

Фонари бросали бледный свет на неровную, плохую дорогу, которая, казалось, кое-где заросла кустами и какими-то очень низкими, стелющимися растениями, которые кончались где-то далеко на горизонте. Поднялся ветер, он издавал низкие, дикие и протяжные звуки.

– Это что – море, что ли? – спросила Мэри.

– Нет, это не море, – ответила миссис Мэдлок. – Это не поля и не горы, это просто бесконечные мили дикой земли, пастбища, где не растет ничего, кроме вереска, и где нет ничего живого, кроме диких пони и овец.

– Если бы здесь была вода, это было бы море, – сказала Мэри. – Шумит, совсем как море.

– Это ветер воет в зарослях. Как на меня, это дикое и пустынное место, хотя многим здесь нравится, особенно когда зацветает вереск.

Они ехали все дальше и дальше сквозь темноту, и, хотя дождь прекратился, сильный ветер за окном кареты свистел и издавал странные звуки. Дорога то поднималась, то опускалась, а несколько раз карета проезжала по маленьким мостикам, под которыми с шумом бежали ручьи. Мэри казалось, будто поездка никогда не закончится и что эти бескрайние черные просторы – это какой-то темный океан, через который они едут по узенькой полоске суши.

– «Мне здесь не нравится, – подумала Мэри. – Не нравится мне здесь», – и девочка стиснула свои и без того тонкие губы.

Лошади взбирались на холм, когда Мэри первой заметила вдали огонек. Миссис Мэдлок тоже увидела его и глубоко, облегченно вздохнула.

– Как же я рада этому огонечку! – воскликнула она. – Это – окно в доме привратника. Ну что ж, скоро мы выпьем по

доброй чашке горячего чая.

Это было не так скоро, как она сказала, потому что карета, въехав через ворота, еще мили две ехала по аллее парка, где старые деревья, почти соприкасаясь верхушками, образовали что-то вроде длинного, темного свода.

Они выехали из-под этого свода на освещенное место и остановились перед невероятно длинным, низким и асимметричным каменным домом. Сначала Мэри показалось, что в доме совершенно темно, но когда она выбралась из кареты, то увидела бледный огонек в одном из окон первого этажа.

Огромная, тяжелая парадная дверь из массивных, украшенных резьбой дубовых досок, была сбита железными гвоздями и держалась на больших железных полосах. Она открывалась в гигантский холл, который был так слабо освещен, что Мэри не хотелось рассматривать лица висящих на стенах портретов и фигуры в латах. Когда она стояла на каменном полу, то выглядела очень маленькой, затерянной черной фигуркой, и чувствовала себя тоже маленькой и одинокой.

Безукоризненно одетый, худой, старый человек стоял рядом со слугой, который открыл им дверь.

– Вы должны отвести девочку в ее комнату, – сказал он хриплым голосом. – Господин не хочет ее видеть. Утром он уезжает в Лондон.

– Хорошо, мистер Питчер, – ответила миссис Мэдлок. – Поскольку я знаю, чего от меня хотят, я прекрасно справлюсь.

– Все, чего от вас хотят, миссис Мэдлок, – проскрипел Питчер, – это, чтобы господина оставили в покое, и чтобы он не видел того, чего не желает видеть.

И Мэри Леннокс повели по широкой лестнице и длинному коридору и опять вверх по нескольким ступенькам, потом снова через другой коридор, а затем через еще один, пока не открылась дверь и девочка не оказалась в комнате, где в камине горел огонь, а на столе стоял ужин.

Миссис Мэдлок сказала безо всяких церемоний:

– Ну, вот мы и на месте! Вот эта комната, и еще соседняя предназначены для вас – и вы должны быть здесь. Прошу об этом не забывать!

Вот так мисс Мэри приехала в Миссельтвейт и, пожалуй, еще никогда в своей маленькой жизни она не чувствовала себя такой настоящей упрямицей, как сейчас.

Глава IV. МАРТА

Утром она открыла глаза, потому что молодая служанка, которая пришла в ее комнату, чтобы развести огонь, стояла на коленях перед камином и с шумом выгребала из него золу. Мэри несколько минут лежала, рассматривая девушку, потом стала разглядывать комнату. Она еще никогда не видела таких странных и унылых комнат. Стены были покрыты тканью, на которой были вышиты сцены охоты. Там виднелись странно одетые люди среди деревьев, а вдали – верхушки башен замка. Там были охотники, лошади и собаки, а также дамы. Мэри чувствовала себя так, словно оказалась вместе с ними в лесу. Через окно видно было огромное волнистое пространство, где совершенно не было деревьев. Оно выглядело, как бескрайнее, грустное пурпурное море.

– Что это такое? – спросила девочка, указывая в окно.

Марта, молодая служанка, которая как раз подошла к кровати, тоже повернулась в сторону окна.

– Это? – переспросила она.

– Да.

– Это – вересковая пустошь, – с доброй улыбкой ответила девушка. – Вам нравятся вересковые пустоши?

– Нет, – отрезала Мэри. – Я их ненавижу.

– Это потому что, вы к ним непривычная, – сказала Марта, возвращаясь к камину. – Вам они кажутся сейчас слишком

большими и пустынными. А потом вы пообвыкнете.

– А тебе здесь нравится? – спросила Мэри.

– Ага, очень даже нравится! – ответила Марта, энергично принимаясь чистить каминную решетку. – Я наши места просто люблю. И вовсе здесь не пусто. Здесь полно всяких растений, а запах от них какой! Здесь так красиво весной и летом, когда вереск покрывается розовыми цветочками. Пахнет, будто кто мед разлил! И столько там запахов, а небо высокое-превысокое, и пчелы гудят, и жаворонки поют! Эх! Ни за что не хотела бы жить ни в каких других краях, вдали от наших вересковых пустошей!

Мэри внимательно и удивленно прислушивалась к словам девушки. Индийские слуги были совсем другими. Они, порабски подобострастные, никогда не осмелились бы обратиться к господам как к себе подобным. Слуги непрестанно кланялись им, называя «покровителями бедных» и тому подобными словами. Индийским слугам отдавали приказы, а не просили их сделать что-то. Не было принято говорить им «пожалуйста» и «спасибо», и Мэри всегда была Айю по лицу, когда злилась. Сейчас Мэри подумала о том, чтобы случилось, если бы эту девушку ударили по лицу. Она была пухленькая, румяная и милая, но вела себя так смело, что миссис Мэри задумалась, не дала ли бы Марта сдачи – даже если бы ей влепила пощечину маленькая девочка.

– Ты – какая-то странная служанка, – высокомерно изрекла Мэри со своих подушек.

Марта присела на корточки с каминной щеткой в руке и добродушно рассмеялась.

– Ага! Я это хорошо знаю. Если бы госпожа еще была жива, то я бы и в помощницы горничной не сгодилась. Может быть, мне позволили бы работать в кухне, но наверх, в хозяйские комнаты, и войти бы не позволили. Слишком я простая, и говорить могу только по-тутошнему, по-йоркширски. Но этот дом какой-то чудной, хотя и такой здоровенный. Можно подумать, что здесь нет никаких господ, кроме мистера Питчера и миссис Мэдлок. Когда мистер Крэйвен дома, то ничего и знать не хочет, но и так он все время путешествует. А миссис Мэдлок дала мне это место по доброте. Она сказала, что если бы Миссельтвейт было похоже на другие поместья, то ни за что бы не взяла меня прислуживать здесь.

– Это ты будешь моей служанкой? – спросила Мэри по-прежнему высокомерно, как было принято разговаривать со слугами в Индии.

Марта опять принялась чистить каминную решетку.

– Я – служанка миссис Мэдлок, – с достоинством ответила девушка, – а она служит мистеру Крэйвену – и я должна выполнять работу горничной, да помогать вам понемногу. Но вам, наверное, и не надо так уж сильно помогать.

– А кто же будет меня одевать? – требовательно спросила Мэри.

Марта опять присела на корточки и уставилась на нее, словно не понимая, в чем дело, а потом, растягивая слова,

изумленно воскликнула:

– Так вы – и одеться сама неспособная?

– Что это значит? Я не понимаю, что ты говоришь.

– Ой, я и забыла, – протянула Марта, – миссис Мэдлок говорила мне, чтобы я по-культурному говорила, а то вы меня и не поймете. Я хотела сказать, что вы же, наверное, умеете сама одеваться.

– Не умею, – оскорбилась Мэри. – Никогда в жизни я не одевалась сама. Меня одевала Айя.

– Ну, в таком случае самое время вам научиться делать это самой. – Девушка, видимо, не осознавала, насколько дерзко говорит с госпожой. – Надо было раньше научиться. Вам только на пользу пойдет, если вы сама за собой поухаживаете. Моя мама всегда удивляется, как это дети богатых господ совсем не одурели оттого, что их няньки все время моют, одевают и на прогулки водят, словно они куклы какие!

– В Индии все по-другому, – презрительно процедила сквозь зубы Мэри. Ей уже надоела слишком разговорчивая и дерзкая служанка.

Но Марту нелегко было сбить с толку.

– Да уж я сразу смекнула, что там у вас все было по-другому, – искренне продолжала она. – Я думаю, это все потому, что там столько черных – вместо настоящих, белых людей. Когда я услышала, что вы из Индии приехали, то подумала, что вы – тоже черная.

Мэри в бешенстве уселась на постели.

– Что?! – прошипела она. – Что?! Ты думала, что я – черная? Ты! Дочь свиньи!

Марта испуганно взглянула на Мэри и покраснела.

– Кого это вы так обзываете? – сказала она. – Нельзя вам так злиться и говорить такие нехорошие слова. Не пристало молодым леди так выражаться. А против этих черных я ничего и не имею. В книжках написано, что они очень даже в бога верят. И написано, что хоть они и черные, а все равно люди и ближние. Я еще ни разу не видела ни одного черного человека, и страшно радовалась, когда сюда шла, что, наконец, увижу. Когда я сегодня утром пришла, чтобы растопить камин, то тихонько подошла к кровати и осторожно одеяло отвернула, чтобы на вас посмотреть. А вы – белая! – разочарованно призналась служанка. – Не чернее, чем я, хотя, пожалуй, и пожелтее будете.

Мэри уже даже не пыталась справиться с бешенством и унижением.

– Ты думала, что я – индуска! Как ты посмела! Ты никакого понятия об индусах не имеешь! Они – не люди, они – слуги, которые должны нам кланяться и служить! Ты ничего не знаешь об Индии! Ты вообще ничего не знаешь!

Она впала в такое бешенство и чувствовала себя такой беспомощной под искренним взглядом Марты, и при этом такой ужасно одинокой и далекой от всего близкого и понятного, что спрятала лицо в подушку и безудержно зарыдала. Девочка плакала так отчаянно, что доброй Марте стало ее

жалко. Девушка подошла к кровати и наклонилась над Мэри.

— Ну, не надо так плакать! — приговаривала Марта. — Я не знала, что вы так расстроитесь. Я совсем глупая, и ничего не знаю, правильно вы обо мне сказали. Простите меня, пожалуйста, и перестаньте плакать.

В ее искренних словах, произнесенных протяжным йоркширским говором, было что-то такое успокоительное, по-настоящему дружественное, что Мэри перестала плакать и постепенно успокоилась. Это обрадовало Марту.

— Самое время вам вставать, — сказала девушка. — Миссис Мэдлок велела, чтоб я подала вам завтрак, а потом чай и обед в соседнюю комнату. Там устроили для вас детскую комнату. Я вам помогу одеться, если вы встанете с кровати. А если одежды застегиваются сзади — конечно, вам самой с такими не справиться.

Когда Мэри, наконец, решила встать, то обнаружила, что поданная Мартой одежда — не та, в которой она приехала.

— Это не мое платье, — сказала она. — Мое — черного цвета.

Мэри рассмотрела красивое платье из толстой, мягкой белой шерсти и добавила холодным тоном: — Но оно более красивое, чем мое.

— Вы должны его надеть, — ответила Марта. — Мистер Крэйвен велел купить его в Лондоне. Он сказал: «Не хочу, чтобы по дому бродил ребенок в черном, словно затерянная душа. Это сделало бы дом еще более угрюмым. Одевайте ее в светлую одежду». Моя матушка сказала, что понимает, в чем

дело. Моя матушка всегда все понимает. Ей самой тоже не нравятся черные одежды.

– Я ненавижу черный цвет! – воскликнула Мэри.

Во время одевания обе они научились чему-то новому. Марта, правда, не раз застегивала пуговицы на одежде своих сестер и братьев, но она никогда не видела ребенка, который стоял бы неподвижно и позволял другому человеку все делать за него, словно у него не было собственных ног и рук.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.